

ВОПЛОЩЕНИЕ АВТОРСКОГО ИДЕАЛА В ДРАМЕ И. В. ЛОПУХИНА «ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДИЯ И ДОБРОДЕТЕЛИ, ИЛИ ДОБРЫЙ СУДИЯ»

В статье впервые проанализирована драма выдающегося государственного и общественного деятеля, литератора, идеолога масонства И. В. Лопухина. Рассматриваются отражение философских воззрений автора в пьесе «Торжество правосудия и добродетели, или добрый судья», автобиографические черты главного героя, прослеживается развитие традиций русской классицистической трагедии и просветительской сатиры.

Ключевые слова: драматургия XVIII века, И. В. Лопухин, автобиографизм.

И. В. Лопухин (1756–1816), известный государственный и общественный деятель, мыслитель и писатель, идеолог масонства, оставил разнообразное в жанровом отношении и весьма интересное литературное наследие. Его единственное драматическое сочинение, «Торжество правосудия и добродетели, или Добрый судья», написанное и впервые опубликованное в 1794 г., практически не привлекало внимания исследователей. Между тем это произведение выдающегося представителя русской культуры конца XVIII – начала XIX в. заслуживает внимания, поскольку в нем его взгляды, в частности воззрения на задачи литературы, получили весьма яркое воплощение.

По свидетельству самого И. В. Лопухина, пьесу он написал за восемь дней на спор со своим знакомым, известным драматургом¹, желая доказать, что может сочинить неплохое произведение для театра. Драма была создана и впервые напечатана в 1794 г., в период, когда И. В. Лопухин, арестованный по делу Н. И. Новикова и других московских масонов, едва избежал ссылки, не имел возможности активно участвовать в общественной жизни. Сочинение и публикация

книг были для него возможностью проявить «усердие к общественному добру».

В 1798 г. пьеса была опубликована вторым изданием с послесловием и завещанием И. В. Лопухина. В послесловии отмечено, что успеха пьеса не имела: «Говорят, что сия драма неудобна для театра; что много в ней противного его правилам и пр. [...] что в пьесе этой Судья сух, строг слишком, наскучивает своими проповедями о добродетели» [Лопухин, 1798. С. 131]. В то же время известны и положительные отзывы о драме; так, на экземпляре, принадлежавшем епископу Костромскому и Галичскому Евгению (Романову), имеется запись: «Достоинна чтения!»². Сам автор заявляет, что хотел в первую очередь принести пользу своей драмой, а не позабавить «прелестным представлением пороков» [Там же. С. 37].

Исследователи, упоминая драму «Торжество правосудия и добродетели», как правило, отмечают лишь ее дидактизм. Я. Л. Барсков рассматривает пьесу в одном ряду с написанным в то же время И. В. Лопухиным публицистическим «Излиянием сердца, чтущего благость единоначалия», осуждающим Французскую рево-

¹ По нашему предположению, это был М. М. Херасков.

² Издательство «Альфаре́т»: <http://alfaret.ru/item.php?cid=150&pid=636>

люцию, и пишет, что в ней «бичуются нравы и литература» [Барсков, 1914. С. 661]. Однако, как нам представляется, истинная цель этого сочинения заключалась в том, что автор стремился не только обличить пороки, но в первую очередь утвердить идеал. Уже название произведения акцентирует внимание на ключевых для автора понятиях и ценностях и подчеркивает его назидательный характер.

Для драматургии эпохи сентиментализма дидактизм, как и вынесенные в заглавие пьесы прямолинейные нравственные выводы, были весьма типичны. Можно привести примеры названий «слезных драм»: «Торжествующая добродетель» (автор неизвестен), «Лиза, или Следствия гордости и обольщения», «Русский солдат, или Хорошо быть добрым господином» В. Федорова, «Лиза, или Торжество благодарности» Н. И. Ильина. В то же время для большей части публики театр был лишь развлечением, зрители не соотносили увиденное с жизненной практикой, что осознавал И. В. Лопухин. В его драме вопрос «Ведь, я думаю, вы не против театра, о котором говорят, что он школа добродетели?» [Лопухин, 1798. С. 37] вложен в уста бездумного прожигателя жизни Пустоумова. Автор «Торжества правосудия и добродетели» хотел, чтобы его читатели не уподоблялись этому персонажу, которого спектакли явно не побуждают к самосовершенствованию, и сознательно делал поучение отчетливым.

В основу сюжета пьесы, как это было принято в драматургии того времени, положен конфликт, в котором сталкиваются социально-идеологические противоречия и отношения влюбленных. Главный герой, неподкупный судья Правдолюбов, отказывается решить дело в пользу Самолюбова, незаконно претендующего на чужие земли. Из-за этого Самолюбов отказывается выдать свою дочь Нежну замуж за сына Правдолюбова, Честнодума. Молодые люди любят друг друга, но не идут против воли родителей. Девушка заболевает от горя, и, видя страдания дочери, Самолюбов нравственно перерождается, исправляется, отказывается от притязаний на чужие владения и дает согласие на брак дочери с сыном судьи.

На первый взгляд пьеса вполне соответствует канонам сатирической просветительской литературы. Так, все персонажи, кроме слуг, носят говорящие имена: Правдолюбов,

Нежна, Лентяев, Лиходуров, Беззащитин и т. п. В комедиях и статьях сатирических журналов XVIII в. встречаются сходные имена, например, в комедии Н. П. Николева «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности» действует Честнодум [Победа невинности..., 1788. С. 5–82], в журналах Н. И. Новикова Правдолюбов – один из псевдонимов, которыми издатель подписывал свои статьи. В более поздней комедии В. В. Капниста «Ябеда» вскользь упоминается губернатор Правдолюб, который характеризуется так: «Правдив, как Страшный Суд, безмезден, копотун, / И человечества он общий опекун» [Капнист, 1849. С. 76].

Пьеса И. В. Лопухина сближается со «слезными комедиями»: сцены, выдержанные в комическом ключе, чередуются с серьезными, персонажи – частные люди. В то же время в ней отчетливо прослеживается продолжение традиций русской классицистической трагедии. Правдолюбов оказывается в типично трагедийной ситуации неразрешимого конфликта. Он вынужден либо лишить любимого сына надежды на брак с возлюбленной, либо принять несправедливое решение в суде. Впрочем, для Правдолюбова, как для положительного героя отечественной классицистической трагедии, дилемма оказывается мнимой. Он без колебаний жертвует счастьем любимого сына, отказываясь решить в пользу отца его невесты. Не соглашается он и отказаться от присутствия по этому делу, предоставив его решение другому, менее принципиальному судье, который, скорее всего, удовлетворил бы незаконные притязания Самолюбова – он не ограничивается уклонением от «неправосудных действий» и не может допустить несправедливого решения дела.

Стойкость в добродетели проявляет и Нежна, решительно отвергающая предложение своей двоюродной сестры Милонравы бежать с возлюбленным. Именно образ Милонравы, поклонницы романов «Страдания юного Вертера» и «Юлия, или Новая Элоиза», позволяет ввести в пьесу полемику с писателями, которые ставили чувства выше долга и добродетели. Героиня предстает читающей роман Гёте, при этом ее отвлекает горничная Машинька, которая забавно коверкает иностранные имена персонажей, но догадывается о том, что пристрастие к подобным книгам и подражание их героям не приведет к добру: «Ну я не знаю, суда-

рыня, Вертел ли он, Вертин, только знаю, что ежели барышне моей пропадать, так от него, да еще – от Илаизы, как ли она называется» [Капнист, 1849. С. 85]. Машинька (как и другие слуги во многих комедиях XVIII в.) предстает здесь носителем здравого смысла, выражающей позицию, близкую к авторской. Восхищение сентиментальными романами сказывается на представлениях Милонравы о том, как должны поступать влюбленные: она считает, что страсть может служить оправданием для безрассудных поступков и непослушания родителям. Так демонстрируется, что произведения, возвеличивающие страсть, расшатывают нравственность читателей. Сочувственное изображение морально неоднозначных персонажей противоречило высокому уровню нравственных требований, которые они предъявляли своим читателям.

Цельностью характера и силой чувства (доходящего до невозможности жить, потеряв любимого) Нежна также сближается с трагическими героинями. Сходству с русскими классицистическими трагедиями не мешает счастливая развязка, достаточно распространенная в произведениях этого жанра, прославлявших победу добродетели (в частности, у А. П. Сумарокова).

Образ судьи Правдолюбова, неподкупного, упорного, склонного к делам милосердия, к чтению старинных моралистических книг и к нравоучительным рассуждениям, является во многом автобиографическим, а в сценах в суде отразился собственный опыт автора, долго служившего в Уголовной палате Московской губернии. В этом заключается главное отличие «доброго судьи» от стандартных положительных героев-резонеров, а также от дистанцированных от читателя героев трагедий. Сам автор рекомендовал себя как лучший знаток юриспруденции своего времени [Горюшкин, 1811. С. 75], для которого были характерны индивидуальный подход к каждому обвиняемому, подчеркнутое внимание к мотивам совершения преступления, недопустимость механического применения закона без внимательного рассмотрения конкретного дела. Он считал наказания «лекарствами от развращенной нравственности», но ни в коем случае не мщением за содеянное зло. В автобиографических «Записках» он рассказывает о том, что в суде его гуманное

отношение к преступникам часто расценивали как попустительство пороку: «Говорили, что я развожу злодеев и воров» [Лопухин, 1990. С. 8].

В русской литературе XVIII в. судьи обычно изображались сатирически, начиная с сочинений А. П. Сумарокова («К неправедным судьям», «Чудовищи» и др.). Образ праведного милосердного судьи – явление редкое в просветительской литературе, внимание которой было сосредоточено на критике существующих порядков. М. Н. Муравьев в повести «Обитатель предместья» (1790) вывел образцы идеальных представителей различных сословий, в том числе судью Карманова, однако в этом произведении, по жанру близкому к циклу очерков, образ судьи был очерчен бегло. М. М. Херасковым под влиянием пьесы французского драматурга Л. С. Мерсье «Судья» была написана «слезная драма» «Друг несчастных» (1774), героя которого, судью Пречеста, ограбил художник Памфил. Узнав, в какой нищете живет семья этого человека, он отказывается возбуждать уголовное дело и оставляет Памфилу и его детям отобранные у него деньги. Далее разворачивается мелодраматическая история любви Пречеста и приемной дочери художника, раскрывается тайна ее происхождения [Херасков 1774]. В этой пьесе судья представлен во внеслужебной обстановке, в его образе на первый план выступают не корпоративные черты, а характерное для драматургии сентиментализма чувство сострадания к обездоленным.

Для И. В. Лопухина, напротив, наибольший интерес представляет именно изображение гражданского служения героя, которое сравнивается с воинским подвигом: «Но когда добрый воин идет защищать свое отечество, должен ли он удерживаться каким страхом? – Судья сражается за правду и за спокойствие общества, которое пороки не престанно возмутить стремятся. Два эти служения различно именуются, а предмет их один» [Лопухин, 1798. С. 11]. Таким образом, драматург утверждает возможность нравственного подвига в повседневной жизни. По его мнению, изображение добродетельных поступков людей, живущих в привычной зрителю обстановке, полезнее, чем повествование о героях, действующих в исключительных обстоятельствах. «Тысячами считаем мы людей, неустрашимо жертвую-

щих своею жизнью на битвах с неприятелями – и столь не часты те, кои бы не только ею, но какими-нибудь выгодами собственной корысти жертвовали правде в судах». Если в трагедиях авторы изображали героев, стоящих выше читателя (зрителя), не позволяющего себе представить себя на их месте, которые должны были вызывать восхищение, то выведенный в драме И. В. Лопухина «добрый судья», не менее сильная и цельная личность, чем они, должен был служить примером для подражания.

Автор вводит в свою пьесу сцены, изображающие героя в общении с различными истцами, не имеющие значения для развития действия, но важные для создания более развернутой характеристики Правдолюбова. Этот прием позволил высказать авторскую точку зрения на то, каким должно быть правосудие и его служители. Как и сам И. В. Лопухин, изображенный им судья придерживается принципа «лучше десять виновных оставить без наказания, чем одного невинного осудить» [Лопухин, 1798. С. 92; 1990. С. 6–7]. Правдолюбов не только неподкупен и справедлив, но и милосерден, ему небезразлична судьба осужденного и его семьи. Так, он вместе со своим другом Добродушиным берет на содержание сыновей каторжника и снабжает его и его жену всем нужным на дорогу. Эти поступки героя также имеют автобиографический подтекст. Как известно, И. В. Лопухин постоянно помогал неимущим, практическое милосердие было его характерной чертой.

М. И. Невзоров, друг И. В. Лопухина, внесший немалый вклад в мифологизацию образа своего орденского наставника, перепечатал в своем журнале «Друг юношества» в 1808 г. наиболее удачные, с его точки зрения, фрагменты пьесы, отражающие ее важнейшие идеи. Для него, как и для многих современников, было очевидно, что Правдолюбов – образ автобиографический. Эти фрагменты он напечатал вместе с размышлениями о правосудии из «Отрывков сочинений одного старинного судьи», написанных И. В. Лопухиным³. Опубликованные в одном номере журнала, эти произведения образуют цикл, обладающий смысловым и

художественным единством. Герой пьесы и «старинный судья», размышления которого были напечатаны непосредственно перед фрагментами драмы, отождествляются.

Образ героя-судьи и его поступки резко отличаются от характеров и поведения Лентяева, Лытаева, Лакомкина, состоявших на службе в суде. Они с недоумением и насмешками обсуждают его бескорыстные поступки и вспоминают как доказательство чудачества Правдолюбова его слова: «Кто из награждения служит, тот не служит отечеству, а торгует службой и что-де такой при случае из барыша и продать его может» [Лопухин, 1798. С. 102]. Одержав победу над Самолюбовым, видя возмездие, постигшее Шестеркина, Правдолюбов, однако, не может изменить окружение, в котором ему предстоит продолжать выполнять свой долг судьи. Хотя у него есть друг-единомышленник (Добродушин), ему постоянно приходится сталкиваться с непониманием общества. Таким образом, в идеальном нормативном образе просматриваются черты странного, не принимаемого обществом романтического персонажа. В автобиографических «Записках» И. В. Лопухин подобным же образом изобразит атмосферу, окружавшую его в суде. Хотя у И. В. Лопухина всегда были друзья и восторженные последователи, в «Записках» он чаще всего предстает действующим в одиночестве и поступающим вопреки окружающим, постоянно готовым к борьбе.

Одна из важных мыслей, высказанных устами Правдолюбова, – идея об «образовании сердца»: «Не довольно помнить описания истины и рассуждать о добродетели; надобно, чтоб сердце ею напиталось, и укрепилось в ее опытах, без чего не можно даже и точного понятия об ней иметь. Для этого нужно время» [Лопухин, 1798. С. 30]. В данном случае подчеркивается, что характер Правдолюбова – результат его работы над собой. Сам И. В. Лопухин считал необходимым постоянное нравственное самосовершенствование, которому, по его мнению, помогают масонские «штудии». В образе главного героя и его высказываниях неявно присутствуют масонские черты; и можно предположить, что под старинными философскими книгами, упоминаемыми в тексте, подразумеваются сочинения, которые были

³ Друг юношества. 1808. № 10. С. 9–55.

особо актуальными для И. В. Лопухина и его орденских братьев, призывавшие «познать себя».

Моральное перерождение Самолюбова, обусловившее счастливую развязку пьесы, вызвано именно тем, что он, потрясенный злом, причиненным им собственной дочери, осознает, что ранее причиной его, казалось бы, благих деяний были тщеславие и расчет: «В каком я был заблуждении, почитая себя добродетельным, и не имел до сего дни даже истинного понятия о добродетели?». Размышления Самолюбова соотносимы с фрагментом из трактата И. В. Лопухина «Некоторые черты о Внутренней Церкви», в котором говорится о самоанализе: «Познаем, как мы, производя и самые лучшие, по мнению нашему, дела, и во мнимой правде и любви своей жертвуем только гнусному идолу мерзкая корысти и собственнлюбия нашего» [Лопухин, 1997. С. 135].

В пьесу вводятся также сатирические образы Пустоумова (несмотря на различие фамилий, он приходится родным братом Правдолюбову) и его приятеля Шестеркина, который играет роль его наставника в светской жизни (в движении основной интриги эти персонажи никак не участвуют). В свете, «мораль» которого выражает Шестеркин, царят безнравственность, насмешки над добродетелью, «честь», из-за которой вызывают на дуэли, расточительность. «Пустоумов (Шестеркину). – Я помню, что ты за одну прическу заплатил пятьдесят рублей. И подлинно так бесподобно, так легко в тот вечер ты был причесан, что никто не хотел поверить даже, что гребень на голове твоей был» [Лопухин, 1798. С. 54]. Шестеркин с гордостью рассказывает о том, что однажды устроил завтрак, ради которого продал 20 крестьян в рекруты. В конце концов, он подвергается заслуженному наказанию за подделку документов на деревни Умношедрова.

Насмехаясь над Правдолюбовым, Шестеркин предполагает, что он увлекается старинными моралистическими книгами, и противопоставляет им сочинения модных философов, «которые очень для меня приятно пишут, что интерес – интерес, этот идол наш, должен быть одною пружиной всех мыслей и дел человеческих» [Там же]. Почти идентичная высказыванию Шестер-

кина фраза об «интересе» содержится в хорошо знакомой И. В. Лопухину работе П. Гольбаха «Система природы» [1940. С. 183], но в ином контексте. Французский материалист не пропагандировал в своих сочинениях примитивного эгоизма и доказывал, что вернейший путь к счастью – добродетельное поведение, однако его идеи (как и идеи других философов, вошедших в моду) нередко воспринимались поверхностно, опошлялись, ими прикрывалось недостойное поведение. Так, невежды ссылались на Ж.-Ж. Руссо, писавшего, что науки не улучшают нравов и жизни людей [Ключевский, 1895. С. 49]. Отрицательные персонажи драмы относятся пренебрежительно не только к морали, но и к разуму. Так, после ухода Правдолюбова и Добродушина Пустоумов восклицает: «Фу! Как тяжело присутствие разумных тварей!» [Лопухин, 1798. С. 59]. «Модная» философия характеризуется как не требующая интеллектуальных и душевных усилий и поэтому привлекательная для людей поверхностных.

Так в драму вводится важная для И. В. Лопухина проблема распространения французской «вольнодумной» философии. Именно против нее было направлено первое опубликованное им сочинение, «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил» (1780). Если в публицистике И. В. Лопухина содержится полемика с идеями французских философов, то в «Торжестве правосудия и добродетели» осуждается вытекающий из их распространения вульгаризированный бытовой вариант вольнодумства. В сатирической литературе последней трети XVIII в., особенно в журналах, издававшихся Н. И. Новиковым, «вольтерьянство» выступает как частый атрибут характеристики пустого щеголя. Например, в анонимном «Наставлении молодому Суетону, вступающему в свет», рекомендуется: «Из философских книг ты разве те имей, / Что душу с вечностью глотают у людей»⁴.

Мировоззрение и образ жизни Шестеркина объясняются в первую очередь воспитанием. Он вспоминает своего учителя-

⁴ Вечерняя заря. 1782. № 3. С. 71.

француза Санпринсипа («Беспринципно-го»), который, приехав в Россию, занимался не только «просвещением» молодого дворянина, но и изготовлением фальшивых монет. Известно, что в России среди иностранцев, приглашенных малообразованными помещиками для обучения детей, было немало авантюристов, если не порочных, то нередко невежественных и недобросовестных. Самого И. В. Лопухина в детстве учил французскому языку малограмотный савояр, и мальчик его освоил благодаря берлинцу-преподавателю немецкого, предпочитавшему своему языку французский [Лопухин, 1990. С. 3]. В своей пьесе И. В. Лопухин затронул проблему воспитания и образования, столь значимую для русских просветителей.

Итак, в драме «Торжество правосудия и добродетели» получили образное воплощение этические и эстетические представления и вопросы, волновавшие автора: правосудие, моральное перерождение человека, влияние литературы на нравы. Сюжет, взятый из современной жизни, и герой, в котором узнавали автора, подчеркивают возможность достижения истинной добродетели.

Понимание И. В. Лопухиным подлинного героизма отразилось в его неосуществленном замысле, о котором он рассказал на страницах «Друга юношества»⁵. Он хотел создать драму на основе своего любимого исторического анекдота об аббате Ф. Фенелоне, который, желая помочь потерявшему единственную корову крестьянину, проник в занятую неприятелем деревню, разыскал ее и привел владельцу. «Фенелонова корова славнее Наполеона, ищущего славы себе в том, чтоб не оставить на земле ни одной коровы и ни одного человека неголодного, ежели неубитого» [Там же. С. 21]. Из биографии знаменитого писателя он выделил в качестве достойнейшего примера для подражания эпизод, в котором он проявляет деятельное сострадание к бедному и противопоставил его кровавым подвигам завоевателей. Отношение к подчиненным, крепостным, беднякам было для И. В. Лопухина чрезвычайно важным критерием нравственной оценки человека.

Вся литературная деятельность И. В. Лопухина была отмечена стремлением сделать слово действенным, побуждающим читателя к самосовершенствованию. Для него принципиально важным было утверждение возможности высокого героизма в современной жизни и на службе. Во многом с этой целью он написал и распространял автобиографические «Записки», именно эта задача была важнейшей при создании драмы «Торжество правосудия и добродетели».

Список литературы

Барсков Я. Л. Лопухин // Русский биографический словарь: Лабзина – Ляшенко / Под ред. Н. Д. Чечулина, М. Г. Курдюмова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1914. С. 650–682.

Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного / Пер. с фр. П. Юшкевича. М.: Соцэкгиз, 1940. VIII, 456 с.

Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. М.: Унив. тип., 1811. 388 с.

Ключевский В. О. Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // Русская мысль. 1895. С. 39–60.

Лопухин И. В. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора Ивана Владимировича Лопухина, составленные им самим. М.: Наука, 1990. VIII, 211 с.

Лопухин И. В. Массонские труды. М.: Алетей, 1997. 148 с.

Лопухин И. В. Отрывки сочинений одного старинного судьи и его же замечание на известную книгу Руссову *Du contrat social*. М.: Унив. тип., 1809. 60 с.

Лопухин И. В. Торжество правосудия и добродетели, или Добрый судья. Драма в пяти действиях. 2-е изд., с присовокуплением авторов завещания к друзьям своим. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1798. 140 с.

Список источников

Капнист В. В. Ябеда // Капнист В. В. Сочинения Капниста. СПб., 1849.

⁵ Друг юношества. 1813. № 3. С. 22–23.

Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности // Российский театр, или Полное собрание российских театральных сочинений. СПб., 1788. Ч. 25.

Херасков М. М. Друг несчастных. СПб.: тип. Сухопутного кадетского корпуса, 1774.

Новейшее переиздание: *Друг несчастных, или Пробуждение сердца* // Драматургия русского сентиментализма. М., 2005.

Материал поступил в редколлегию 14.12.2010

T. A. Dragaikina

**AUTHOR'S IDEAL IN I. V. LOPUKHIN'S DRAMA
«TRIUMPH OF JUSTICE AND VIRTUE, OR THE GOOD JUDGE»**

The paper represents a pioneering investigation of a single play by I. V. Lopukhin, an outstanding statesman, public figure, writer, and an ideologist of freemasonry. Autobiographic features of the protagonist's image and the reflection of the author's philosophical ideas in the play «Triumph of justice and virtue, or the Good judge» are analyzed. The evolution of the Russian classicist tragedy traditions as well as those of the Enlightenment satire are observed in the drama.

Keywords: XVIII century drama, autobiography, I. V. Lopukhin.